

К РЕКОНСТРУКЦИИ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ФОРМ ПАРАДИГМЫ СПРЯЖЕНИЯ АРАБСКОГО ГЛАГОЛА В ПЕРФЕКТЕ И ИМПЕРФЕКТЕ (на материале модели qatala – iaqtulu)

© 2010 Асельдерова Р.О.

Дагестанский государственный педагогический университет

В статье приводятся аргументы в пользу тезиса о том, что модели فَعَلَ - فَعِّلَ - فَعَّلَ суть производящие основы парадигмы спряжения. Современные формы – результат фонетических и морфологических изменений этимологических синтагм.

The article deals with the statement that the models فَعَلَ - فَعِّلَ - فَعَّلَ are derivative stems of conjugation paradigm. Modern forms are the results of phonetic and morphological changes of etymological syntagmas.

Ключевые слова: ударение, синкопа, апокопа, этимологическая форма, диахрония.

Keywords: stress, syncope, apocope, etymological forms, diachrony.

В статье автора «К проблеме структурной организации и этимологической семантики компонентов содержательной структуры семитского трехслогового корня» выдвинут тезис о том, что словарная форма – فَعَّلَ – فَعِّلَ – فَعَلَ арабского языка и ее корреляты в страдательном залоге являются исходными в глагольном слово- и формообразовании. Причем конечный слог трехслогового корня CVCVCV является носителем значения бытия, локализирующего действие, выраженное в семантике первых двух слогов CVCV как имеющие место до момента речи, в момент речи или с транспозицией на следование. Равным образом, доказывалось, что имперфектные формы производны от перфекта, а звуковые формы настоящего времени – следствие фонетических транспозиций. Эти положения иллюстрировались на материале трехбуквенного корня kataba [1].

Закономерности семантической и формальной структуры модели kataba должны быть релевантны и для других вариантов модели فَعَّلَ – فَعِّلَ – فَعَلَ. Однако эта гипотеза, поэтому мы считаем необходимым проверить справедливость изложенных нами тезисов на остальных вариантах формальной и семантической организации модели فَعَّلَ – فَعِّلَ – فَعَلَ, например, с привлечением парадигмы временных форм глагола daraba – iaḍribu «бить».

Известно, что первое лицо единственного числа: *ḍaraba 'anaku > ḍaraba 'antu > ḍarabatu > ḍarabtu является историческим суффиксом 1 лица единственного числа, который впоследствии был заменен формой -tu по аналогии со вторым лицом. Предполагается, что -'an – указательная частица [2. С. 181–182, 389]. В лексеме ḍarabatu конечный гласный основы ḍaraba -tu в послеударной позиции

синкопируется, вследствие чего имеем современную форму *ḡarabtu*.

Второе лицо единственного числа *ḡarabta* – следствие нижеследующих фонетических и морфологических преобразований: **ḡaraba 'anta* > *ḡarabata ḡarabta*; синкопа послеударного -а- закономерна в слабой позиции.

Второе лицо единственного числа женского рода является следствием исторического развития аналитической формы: **ḡaraba 'anti* > *ḡarabati* > *ḡarabti* вследствие элизии *anti* > *ti* и синкопы конечного безударного гласного основы *ḡaraba-* в морфологии *ḡarabati*.

Третье лицо единственного числа мужского рода сохраняет этимологическую форму *ḡaraba* > *ḡaraba*. Третье лицо единственного числа женского рода является результатом нижеследующих фonomорфологических транспозиций: **ḡaraba ta* > *ḡarabata* > *ḡarabat*. Компонент -та предположительно указательная частица в функции местоимения 3 лица женского рода [2. С. 391].

Двойственное число мужского и женского родов не вызывает затруднения в реконструкции ее этимологической формы: **ḡaraba antuma* < а *ḡaraba 'antuma* и далее *ḡaraba tuma* > *ḡarabtumā*.

Морфологическая структура 3 лица мужского рода двойственного числа представляется прозрачной **ḡaraba'a*, где «а» формант двойственного числа. В структуре *ḡaraba' a*, предпоследний -а- основы *ḡaraba*, оказавшись в слабой позиции, исчезает из произношения, что вызывает увеличение количества форманта двойственного числа (-а > ā).

Столь же эксплицитна морфологическая структура двойственного числа третьего лица женского рода: основа + та +а – показатель двойственного числа *ḡaraba ta'a* > *ḡaraba ta 'ā* > *ḡarabatā*.

В просодической структуре *ḡaraba - ta 'a* > *ḡaraba tā* – конечный гласный основы *ḡarab-a* сохраняется, поскольку слабое динамическое ударение в первой части *ḡara-* не в силах преодолеть фоническую энергию второй части этой лексемы – *batā*.

Диахрония первого лица множественного числа не вызывает сомнений. **ḡaraba nahnu* > *ḡaraba na* (при элизии *nahnu* > *na*) *ḡarabana* > *ḡarabna*: конечный гласный основы *ḡaraba*, равный словарной форме, синкопируется при добавлении слога -на к лексеме *ḡaraba* (*ḡarābana* > *ḡarabna*).

Столь же эксплицитны формы второго лица мужского и женского родов:

глагол второго лица: **ḡaraba antum* > *ḡaraba tum* > *ḡarabatum* > *ḡarabtum*;

второе лицо женского рода: *ḡaraba antunna* > *ḡaraba tuna* > *ḡarabatunna* > *ḡarabtūnna*.

Для третьего лица множественного числа предполагаем следующее историческое развитие: **ḡaraba hum* > *ḡaraba'u* > *ḡarabu*. Сокращение *hum* > *u* по аналогии с *anta* > *ta*, *anti -ti*, *antuma* > *tuma*, *antum* > *tum*, *antunna* > *tunna*.

Под давлением системы предполагаем элизию *hunna* > *na* в третьем лице множественного числа женского рода: *ḡaraba hunna* > *ḡaraba na* > *ḡarabana* > *ḡarabna*, ср: *ḡaraba nahnu* > *ḡarabana* > *ḡarabna* (1 лицо множественного числа).

Для современных форм презенса арабского языка применительно к модели *fa'ala*; *iaf'ilu* предлагаем нижеследующее историческое развитие на примере *ḡaraba – iaḡribu*.

Первое лицо единственного числа, возможно, явилось следствием преобразования **ana ḡaraba* > **a ḡaraba* > **aḡribu*, где синкопа послеударного 'а и сокращение -а > i, а > u закономерно.

Аналогичные фonomорфологические транспозиции закономерны и для второго лица

единственного числа мужского рода
*'anta ɖaraba > ta ɖaraba > taɖaraba > taɖribu.

Несколько иначе сформировалась современная форма второго лица единственного числа женского рода. Для этой лексемы предполагаем следующее фонеморфологическое диахроническое движение: 'anti ɖaraba > ta ɖaraba ni (anti > ta-ni) taɖribani > taɖribina.

Это вызывает усиление послеударного а и перенос ударения на долгий предпоследний слог taɖrabani. Предпоследний долгий ударный слог вызывал сокращение количества предударного.

В речевом потоке ta ɖaraba ni сливается сперва в taɖarabani, в первой лексеме taɖaraba послеударный а синкопируется, гласный -а в taɖra- сокращается в i, освободившаяся фоническая энергия обуславливает увеличение количества предпоследнего гласного -а taɖarabani (taɖribāni). Вследствие этого ударение концентрируется на предпоследнем долгом слоге (tāɖarabani > taɖribāni). И, наконец, taɖribāni переходит в taɖribina вследствие метатезы (...bāni > bina), вызванного, возможно, омонимией taɖribāni – формой двойственного числа.

Формы третьего лица единственного числа мужского и женского родов эксплицитны: в первом случае имеем ia ɖaraba > iaɖribu, где сокращения -а- > i, -а > u, равно как и синкопа первого послеударного -а- (iaɖaraba), закономерны.

В случае третьего лица единственного числа женского рода имеем ta (указательная частица в функции личного местоимения женского рода, как и ia в той же функции для мужского рода) + ɖaraba > taɖaraba > taɖribu с теми же закономерными фонетическими изменениями, что и в случае *iaɖaraba > iaɖribu.

Диахрония двойственного числа второго лица мужского и женского родов также подчиняется определенным фонеморфологическим закономерностям. Образование этой формы нам представляется следующим:

1) двойственное число мужского рода: *'anta ɖaraba āni > ta ɖaraba āni > taɖribāni. В морфологическом аспекте синтагм *'anta ɖaraba āni состоит из трех единиц: 'anta- «ты (мужчина)» – ɖaraba «бьет» āni – показатель двойственного числа в системе имени, который переносится и в систему глагола [2. С. 272]. В комплексе имеем «ты (мужчина)» + «бьет» + «двойственное число». Фонетические изменения сводятся к следующему:

1) в синтагме 'anta ɖaraba āni сокращается в taɖaraba и далее в taɖriba āni. В лексеме taɖriba āni предударный -а (āni); синкопируется после согласного (taɖrib – āni);

2) аналогичны фонеморфологические транспозиции в случае с местоимением второго лица единственного числа женского рода, ср: *anti ɖaraba āni > ta ɖaraba 'ani > ta ɖaraba 'ani > taɖribani. Совпадение форм 'anta ɖaraba āni и anti ɖaraba āni в форме (ср. kataba ani > ta kataba ni > taktubina) taɖarabāni с последующей одинаковой диахронией обуславливает одну форму taɖribāni двойственного числа для второго лица и для мужского, и для женского родов.

Морфология двойственного числа третьего лица мужского и женского родов имеет одинаковую структуру и отличается лишь первым слогом. В мужском роде это ia-, в женском -ta, оба предположительно восходят к указательным частицам или междометиям [2. С. 390–391] в функциях личных местоимений. Возможная фонеморфологическая история сводится к следующим транспозициям: мужской род -ia ɖaraba āni, где -ia – показатель

третьего лица мужского рода; *ḡaraba* «бьет» *āni* – показатель двойственного числа. Синтагма из трех компонентов *ia ḡaraba āni* в потоке речи сливается в *iaḡaraba'āni* с одновременными фонетическими изменениями в *iaḡribani*. В структуре *iaḡaraba 'āni* *iaḡaraba* развивается закономерно в *iaḡribu*, затем в синтагме *iaḡribu 'āni* предударный -и синкопируется, что обуславливает современную словоформу *iaḡribāni*. Аналогично имеем двойственное число третьего лица женского рода: *ta ḡaraba āni* > *taḡribu 'āni* > *taḡribu ' āni* > *taḡribāni*.

Современная форма первого лица множественного числа производна от **naḡnu ḡaraba* > *naḡaraba* > *naḡribu*.

Фонетически объяснимы и формы второго лица множественного числа мужского и женского родов – *taḡribuna* и *taḡribna*: суффиксы второго лица перфекта связаны с раздельными местоимениями без частицы *'an* [2. С. 386], например, *anta- (ḡarab) -ta*. В то же время корневая морфема *-t-* [*'an-t-a*; *'an-t-i*; *'an-t-um*] является показателем лица в имперфекте [*idem*], например *t-(aḡribuna)* «вы бьете», *t-(aḡribu)* «ты бьешь». Следовательно, местоимения второго лица оставили в структуре имперфекта след в виде показателя *t-* в препозиции, менее заметный, чем в перфекте, например, *ḡarab-tum*, ср. (*antum*).

Тем не менее, частица *'an* может сохраниться в структуре форм настоящего-будущего времени. Полагаем, что в структуре *'an tum*, где *'an*, возможно, указательная частица, ср. *'an* «этот» аккадского языка [*ibidem* 387], произошли структурные изменения, обусловленные необходимостью кодификации имперфекта, в структуре которого показатели субъекта действия находятся в препозиции, в отличие от перфекта, где аффиксальные элементы следуют за основой глагола. В нашем случае *'an tum*

преобразовалась в *ta-nū*, где долгота гласного *u* обусловлена апокопой *-m*, что привело к увеличению количества *-u*. Тогда современную форму второго лица множественного числа настоящего-будущего времени глагола *ḡaraba* можно представить в следующем виде: **antum ḡaraba* > *ta ḡaraba nū* > *ta ḡarabanū* > *ta ḡarabūna* > *taḡribūna*.

Если сказанное верно, то для женского рода множественного числа имперфекта можно реконструировать **ta nu* с кратким *u* в оппозиции к *ta nū* мужского рода. Это позволяет предложить нижеследующее становление современной формы 2 лица множественного числа женского рода для глагола *ḡaraba*: > *antunna ḡaraba* > *taḡaraba nu* > *taḡarabanu* > *taḡribuna* с метатезой в *(-banu > buna)* > *taḡribna*.

В третьем лице множественного числа имперфекта показателем лица является префикс *ia*, иной, чем корень *-t-* [2. С. 390]. Аналогично *antum* > *tanu* можно предположить праформу из сочетания *ia* с местоимением третьего лица множественного числа *ia nu* > (по аналогии *antum ḡaraba* > *ta nu ḡaraba* > *taḡarabuna* > *taḡribuna*). Тогда становятся эксплицитным современные формы 3 лица множественного числа применительно к модели *ḡaraba-iaḡribu*: *ia ḡaraba nu* > *iaḡarabuna* > *iaḡribuna*.

Для множественного числа женского рода полагаем праформу **ta hunna ḡaraba* > *ta ḡaraba na* > *taḡrabana* > *taḡribna*.

Страдательный залог перфекта глаголов I породы вариант *fa'ala-iaf'lu* образуется аналогично парадигме спряжения в прошедшем времени действительного залога. Разница лишь в том, что основой является форма страдательного залога *ḡuriba*, которая является коррелятом *ḡaraba* действительного залога. Поэтому мы приводим лишь фонеморфологическую диахронию

парадигмы спряжения
страдательного залога, не
обращаясь к экспликациям:
фономорфологические изменения в
страдательном залоге перфекта
аналогичны диахронии
действительного залога, ср.:

Первое лицо единственного
числа:

а) действит. залог *ḡaraba 'anaku > ḡaraba tu > ḡarabatu > ḡarabtu*;

б) страд. залог *ḡuriba 'anaku > ḡuriba tu > ḡuribatu > ḡuribtu*.

Второе лицо мужского рода:

а) *ḡaraba 'anta > ḡaraba ta > ḡarabata > ḡarabta*; б) *ḡuriba 'anta > ḡuriba ta > ḡuribta*.

Второе лицо женского рода:

а) *ḡaraba 'anti > ḡarabati > ḡarabti*;

б) *ḡuriba 'anti > ḡuribati > ḡuribtī*.

Третье лицо мужского рода:

а) *ḡaraba > ḡaraba*;

б) *ḡuriba > ḡuriba*.

Третье лицо женского рода:

а) *ḡaraba ta > ḡarabata > ḡarabat*;

б) *ḡuriba ta > ḡuribata > ḡuribat*.

Двойственное число.

Второе лицо мужского и женского
родов: а) *ḡaraba 'antumā > ḡarabatumā > ḡarabtumā*.

Третье лицо мужского рода:

а) *ḡaraba 'a > ḡarabā*;

б) **ḡuriba 'a > ḡuribā*.

Третье лицо женского рода:

а) **ḡaraba ta 'a > ḡarabatā*;

б) **ḡuriba ta 'a > ḡuribatā*.

Множественное число:

Первое лицо:

а) *ḡaraba nahnu > ḡarabana > ḡarabna*;

б) *ḡuriba nahnu > ḡuribana > ḡuribna*.

Второе лицо мужского рода:

а) *ḡaraba 'antum > ḡarabatum > ḡarabtum*;

б) *ḡuriba 'antum > ḡuribatum > ḡuribtum*.

Второе лицо женского рода:

а) **ḡaraba 'antunna > ḡarabatunna > ḡarabtunna*;

б) **ḡuriba 'antunna > ḡuribatunna > ḡuribtunna*.

Третье лицо мужского рода:

а) **ḡaraba hum > ḡaraba 'u > ḡarabū*

б) **ḡuriba hum > ḡuriba 'u > ḡuribū*.

Третье лицо женского рода:

а) *ḡaraba hunna > ḡaraba na > ḡarabana > ḡarabna*;

б) *ḡuriba hunna > ḡuriba na > ḡuribana > ḡuribna*.

Несмотря на то, что механизм образования имперфекта действительного и страдательного залогов исторически один и тот же – препозиция местоимения к основам *ḡaraba* и *ḡuriba*, соответственно, фонетически современные формы различны. Если настоящее время действительного залога *'ana ḡaraba > 'aḡaraba > aḡribu* не требует особых экспликаций, то фонетическое развитие форм страдательного залога настояще-будущего времени *'ana ḡuriba > 'aḡuriba > 'uḡrabu* и т.д. требует пояснений.

Современная форма первого лица единственного числа страдательного залога *'uḡrabu*, на наш взгляд, результат нижеследующих фономорфологических транспозиций: *'ana ḡuriba > 'aḡuriba > 'uḡiraba > 'uḡrabu*.

Предложенная цепочка фономорфологических изменений в сегменте... *'aḡuriba > 'uḡiraba* постулирует метатезу *'aḡuriba > 'uḡiraba*. Далее в просодической структуре *'uḡiraba > 'uḡirabu* происходит синкопа послеударного *-i-* и сокращение количества конечного гласного *-a > u* закономерно.

Второе лицо мужского рода – следствие следующих возможных фономорфологических изменений *'anta ḡuriba > ta ḡuriba > tuḡiraba > tuḡrabu*.

Второе лицо женского рода единственного числа могло быть результатом: *'anti ḡuriba > ta ḡuriba ni > tuḡirabani > tuḡrabani > tuḡrabina* (метатеза *bāni > bina*).

Долгота *ā* обусловлена синкопой *i* (*tuḡirabani > tuḡrabāni*).

Предполагаем, что в третьем лице единственного числа могло иметь место *ia ḡuriba > iaḡuriba > iuḡiraba > iuḡrabu*.

Для третьего лица единственного числа женского рода постулируем следующую цепочку

фономорфологических и
просодических изменений:

*ta ḡuriba > taḡuriba > tuḡiraba > tuḡrabu.

Двойственное число мужского рода является следствием фономорфологического и просодического развития синтагмы 'anta ḡuriba 'āni > tuḡirabani > tuḡribani. В синтагме имеем 'anta «ты мужской род» + ḡuriba + āni показатель множественного числа.

Вследствие фонетических изменений форма двойственного числа страдательного залога женского рода совпала с лексемой мужского рода, ср.: *'anti ḡuriba āni > ta ḡuriba 'āni (anti > ta ni).

Мужской род двойственного числа предполагает следующую историю: ia ḡuriba āni, где ia указательная частица в функции местоимения третьего лица мужского рода, āni – показатель двойственного числа. Синтагма ia ḡuriba 'āni преобразуется в словоформу: ia ḡuriba āni > iuḡiraba 'āni > iuḡirabāni > iuḡrabāni.

Постулируемое фономорфологическое развитие релевантно и для третьего лица двойственного числа женского рода, ср.: ta ḡuriba 'āni > tuḡiraba'āni > tuḡrabāni.

Формы множественного числа также суть закономерных фономорфологических и просодических изменений, ср.: Первое лицо множественного числа: *naḡnu ḡuriba > na ḡuriba > nuḡiraba > nuḡrabu.

Второе лицо мужского рода множественного числа предполагает следующую фономорфологическую и просодическую историю: 'antum ḡuriba > ta ḡuriba nu > tuḡirabanu > tuḡrabanu > tuḡrabuna (-bānu > būna). Для множественного числа женского рода постулируем диахронию в следующем аспекте 'antunna ḡuriba > ta ḡuriba nu (antunna > tanu) > tuḡirabuna > tuḡrabna.

Современная форма третьего лица множественного числа мужского рода может быть следствием диахронического развития: ia ḡuriba nu (по аналогии с 'antum > ta-nu) iuḡirabanu > iuḡrabānu > iuḡrabūna (.. bānu > būna); долгота -ā является следствием синкопы гласного -i- в послеударной позиции (iuḡirabanu > iuḡrabānu).

Для третьего лица женского рода множественного числа возможна история: *ta hunna ḡuriba > ta ḡuriba na > tuḡrabana > tuḡrabna.

Таким образом, основой для перфектных и имперфектных форм парадигмы спряжения действительного и страдательного залогов являются модели ḡaraba и ḡuriba соответственно; сама парадигма спряжения действительного и страдательного залогов прошедшего настоящего-будущего времени – следствие регулярных фонетических, морфологических и просодических преобразований основ ḡaraba и ḡuriba в синтагмах с личными местоимениями или усилительными частицами в функции личных местоимений третьего лица. Третье лицо единственного числа мужского рода формально и семантически равно основам ḡaraba и ḡuriba, которые исторически суть единство перфекта и имперфекта. В двойственном числе настоящего-будущего времени формы личных местоимений комбинируются с показателями двойственного числа āni и ā. Сказанное подтверждает справедливость тезиса, высказанного еще древними арабскими филологами о том, что al-madī прошедшее время в сущности является нефлектируемым словом с неизменным окончанием – «а» с транспозицией в «и» и в настояще-будущем времени [цит. по: 3].

Примечания

1. Асельдерова Р. О. О самопонятности и мотивированности феномена полярности в арабском языке. Вопросы общего и дагестанского языкознания. Вып. 6. Махачкала : ИЯЛИ ДНЦ, 2009. 2.

Гранде Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М., 1998. С. 592. **3.** Мамедалиев В. М. Категория времени, лица и наклонения глагола современного арабского литературного языка. Баку, 1979. 82 с.

Статья поступила в редакцию 27.03.2010 г.